

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ ГЕРМАНСКИХ МАГНАТОВ ТЯЖЕЛОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Т.З.Шмидт

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул.Букирева, 15

Речь идет о давлении на официальную социальную политику Германии начала XX в. со стороны магнатов тяжелой индустрии – носителей патриархальной предпринимательской идеологии.

В начале XX в. в среде германских предпринимателей сформировалось три основных группы, позиции которых в социально-политических вопросах были различны: немонополистическая буржуазия обрабатывающих отраслей и внутри монополистической буржуазии – так называемые группы «уголь-сталь-железо» и «электротехника-химия».

Ведущие позиции занимала монополистическая буржуазия традиционных отраслей, представленная такими магнатами тяжелой промышленности, как А.Тиссен, Г.Стиннес, Э.Кирдорф, К.Штумм, семья Круппов. Именно эти предпринимательские круги в вильгельмовскую эпоху устанавливали пределы социально-политического маневрирования правящей элиты. Главным инструментом их власти и влияния на правительство и общественное мнение были Центральный союз германских промышленников (ЦСП) и непосредственные связи с правительственными инстанциями, особенно военным ведомством, которые становились все крепче по мере роста милитаризма и конкретизации планов так называемой «мировой политики». Три основных фактора оказывали влияние на формирование их позиции в «рабочем вопросе»: экономическая и финансовая мощь, патриархальная предпринимательская идеология и крайний политический консерватизм.

Первые государственные законодательные акты в области социальной политики, введенные Бисмарком в 1880-е гг., были одобрены представителями тяжелой индустрии. Правда, как отмечал профессор Г. Шмоллер, «работодатели в обмен на одобрение социального страхования получили закон против социалистов, протекционистскую политику и затишье в охране труда»¹. Все же, как представляется, дело было главным образом в том, что оба компонента бисмарковской социальной стратегии – рабочее страхование и «исключительный закон» – логично вписывались в рамки патриархальной предпринимательской идеологии. Симптомы патернализма и авторитаризма, проявляющиеся в среде германской буржуазии, свидетельствовали о наличии серьезной социально-психологической почвы для фундаментального выбора в пользу системы социального обеспече-

ния, сделанного в Германии в конце XIX в. Некоторым современникам даже показалось, что германское государство позаимствовало у крупных промышленников их тип взаимоотношений с рабочим классом. Известный германский экономист и социолог В.Зомбарт называл Штумма «духовным отцом» обязательного государственного страхования².

Отношение Бисмарка к «неспокойному рабочему сословию» воспринималось как позиция «строгого, но справедливого патриарха». Эта роль распространялась и в целом на государство. При этом система страхования превращалась лишь в развитие идеи внутрифирменного вспомоществования и так называемых «учреждений благосостояния», т. е. того, что в Германии обозначали терминами «Wohlfahrt» и «Wohlfahrtseinrichtung».

Бисмарковская система не противоречила и главному принципу промышленного патернализма в Германии «Ein Herr im Hause». Воспитанная юнкерством «по образу и подобию своему» германская буржуазия унаследовала тягу к авторитарным методам руководства в сферах ее непосредственного влияния. С трудом вырабатывала она свою собственную классовую идеологию, свой образ жизни. Один из исследователей процесса формирования промышленного класса в Германии, Г.Оггер, отмечал: «Как бы хорошо не знали свое дело все эти Круппы, Тиссен, Ханиэли и Ханземаны, им не хватало одного: присущего крупной буржуазии стиля жизни, который был бы в корне отличен от уклада жизни аристократии»³. Во многом заимствованным оказался и тип взаимоотношений предпринимателя и рабочего. «Аристократофильская» германская буржуазия склонялась к тому, чтобы на промышленных предприятиях строить отношения в соответствии с феодальным принципом подчинения, послушания и заботы.

Формой реализации этих стремлений «феодализовать промышленность»⁴ были внутризаводские «учреждения благосостояния». Особенно заметных успехов в создании системы патриархальных социальных мероприятий добились фирмы Круппа, Сименса и Штумма.

Карл Штумм (1836-1901) был отпрыском династии предпринимателей, которая с 1715 г. вла-

дела горно-металлургическими предприятиями в Саарской области. В 1888 г. его возвели в звание барона, а спустя три года он получил от Вильгельма II право называться Штумм-Хальберг⁵. В отличие от Рурской области с ее острой конкуренцией между промышленниками, предпринимательскими союзами и классовой борьбой Саарская область обладала постоянным рабочим населением, что способствовало примитивному патриархализму такого типа, какого в Рурской области удалось добиться только Круппам, использовавшим свое положение монополистического поставщика вооружений⁶. У Штумма к концу его жизни работало более 5,5 тыс. рабочих, которых он держал под строгой патриархальной опекой, устраивая для них хорошие жилища, дешевые столовые, бани, школы, библиотеки, больницы и обеспечивая пенсиями долго прослуживших у него рабочих.

Подобные патриархальные системы создавались и другими крупными промышленными магнатами, хотя большинство германских фабрикантов в XIX в. воспринимало деятельность пионеров германского патернализма как «филантропическое чудачество». У того же Штумма в 1880-е гг. возникали трения с ЦСГП на этой почве. Однако в начале XX в. с ростом рабочего движения наиболее дальновидные представители германского капитала публично указывали своим собратьям по классу на эффективность и перспективность этого средства рабочей политики. Так в 1904 г. передовая статья в газете «Дойче Арбайтгеберцайтунг» убеждала: «В целом дело обстоит так, что учреждение филантропических мероприятий в отношении рабочих обусловлено целиком интересами самих работодателей»⁷.

Именно К.Штумм вплоть до своей смерти оставался главным идеологом германского патерналиста. Ему сопутствовал успех не только в бизнесе, но и в политике. В 1880-1890-е гг. он определял социально-политическое лицо Имперской партии, был ее ведущим оратором в прусской палате господ и рейхстаге. Политическое влияние его возросло после личного знакомства императора с функционированием патриархальной системы в «Сааравии» (1892). В мемуарах бывшего прусского министра, а затем руководителя Общества социальной реформы Г. Берлепша социально-политическая позиция Штумма была сформулирована так: «Он был готов к широкой благотворительной помощи своим рабочим, но в руководстве предприятием был деспотом»⁸. С одной стороны, Штумм выступал за рабочее страхование, охрану труда, еще в 1879 г. участвовал в создании Союза германских работодателей и друзей рабочего сословия, был близок к председателю Союза социальной политики Г.Нассе, с другой стороны, отстаивал авторитарные методы руководства в промышленности. Выступая в палате господ прусского ландтага в мае 1897 г., он утверждал, что превосходство германской индустрии покоится на

дисциплине, которая, по его мнению, исключает любые рабочие организации. Английская промышленность, говорил Штумм, разрушена профсоюзами. Он высмеивал представления социальных политиков о том, что предприятие является общественным, социальным организмом. Для него предприятие представляло собой нечто противоположное – систему, построенную на военный лад. «Утверждают, что между предприятием и армией не может быть аналогий. Я считаю наоборот... Если вы хотите добиться успеха, дисциплина является неременной предпосылкой... Если предприятие желает процветать, оно должно быть организовано на военный, не парламентский лад»⁹.

Будучи долгое время одним из наиболее активных и влиятельных членов рейхстага, Штумм представлял собой политическую фигуру, которая в определенной степени проливает свет на особенности политической культуры Германии той поры. Он олицетворял прежде всего такую черту, как нетерпимость к политическим противникам, отказ от компромиссов. В одной из парламентских речей, спровоцированной выступлением вождя германской социал-демократии А.Бебеля о социалистическом государстве будущего, Штумм пригрозил: «Оружие, с помощью которого можно победить опасность, которую вы накликаете, это не идеалы, не речи и не дискуссии, это оружие силы»¹⁰. За время своего депутатского статуса Штумм дважды вызывал на дуэль своих политических противников: либерального депутата М.Гирша и профессора А.Вагнера. В 1895 г. Вагнер, прочитав парламентскую речь Штумма в защиту реакционного «законопроекта о перевороте» (Umsturzvorlage), публично высказался в том духе, что барону не хватает социально-политических знаний и благоразумия. Штумм, точно так же как по отношению к своим социал-демократическим коллегам по рейхстагу, счел бесполезным вступать в дискуссии с виднейшим германским ученым, выбрав и в этом случае «оружие силы»¹¹. Как представляется, своеобразная форма политической борьбы, применяемая промышленным магнатом, не была только следствием его личного политического темперамента. Поведение Штумма указывало на высокий уровень политического насилия в вильгельмовской Германии и отсутствие социально-психологических предпосылок создания эффективных процедур улаживания конфликтов в германском обществе.

Попытки германского государства выйти за рамки патерналистского решения социальных проблем встречали настороженное отношение даже среди наиболее этактистски настроенных элементов германской олигархии. Послание императора Вильгельма I (1881), давшее сигнал к постепенному созданию системы социального страхования, они считали той границей, переступать которую не следует. ЦСГП в 1884 г. заявил: «Мы твердо убеждены, что современное законодатель-

ство отвечает всем справедливым требованиям гуманности и принимает во внимание как интересы индустрии, так и благо трудящихся, образуя тем самым границы уступок»¹².

Отстаивая свое всевластие на предприятиях, магнаты тяжелой индустрии отвергали законодательство по охране труда и особенно проекты социальных политиков по рационализации и институционализации трудовых конфликтов (комитеты предприятий, рабочие палаты, тарифный договор, посреднические инстанции). Законодательство по охране труда означало вмешательство государства в трудовые отношения, оно «смещало границы компетенции законодателя и работодателя»¹³. Именно это вызывало протест сторонников принципа «Ein Herr im Hause», потому что меры по охране труда, предусмотренные, например, новеллой к Промысловому уставу 1891 г., на многих крупных предприятиях были к этому времени уже реализованы. Проблемы с компенсацией новых установлений возникали скорее у мелких и средних предпринимателей, ограниченных в средствах. Но извне пришедшее регулирование и автономное от предпринимателей улучшение условий труда нарушали «естественные права» работодателей на власть в сфере производства, которые составляли основу патерналистской концепции. «Не подлежит сомнению, - писал видный германский экономист и общественный деятель Л.Брентано, что чувства, воззрения и привычки, унаследованные имущими классами, противопоставляют современному хозяйственному и социальному прогрессу целый ряд препятствий»¹⁴.

Оставаясь в рамках патерналистской концепции, наиболее консервативно настроенные представители предпринимательских кругов стремились строить свои отношения с рабочими без посредников. Штумм говорил: «Я не хочу искусственных образований между рабочим и работодателем»¹⁵. При этом излишними и вредными представлялись не только профсоюзы, рабочие комиссии, но и промышленный суд, введенный законом, и свободные кассы взаимопомощи, больничные кассы. Лидер ЦСГП Г.Бюк предостерегал, что все мероприятия по улучшению трудовых отношений, в которых допускается участие самих рабочих, тотчас же используются социал-демократами для того, чтобы укрепить свою власть на производстве.

Между тем, дальнейшее повышение уровня организованности рабочего класса, изменение роли его классовых объединений вынуждало государство даже вопреки сопротивлению значительной части предпринимателей постепенно отходить от авторитарной бисмарковской стратегии в рабочем вопросе. Так, известное послание Вильгельма II в 1890 г. признавало по сути тот факт, что противоречия между интересами предпринимателей и рабочих имманентно присущи современным трудовым отношениям, в связи с чем

провозглашалась необходимость создания примирительных инстанций. Государство призывало вводить в законодательном порядке какие-либо формы рабочего представительства на предприятиях.

Среди предпринимателей группы «уголь-сталь-железо» эти идеи не нашли понимания. «Центральный союз германских промышленников, - отмечал его лидер, - признает полное равноправие между работодателем и работополучателем только до заключения договора. После этого равноправие для него лишь агитационное слово, поскольку с заключением договора о найме рабочий становится подчиненным работодателю. Он должен ему подчиняться. Работодатель становится таким образом его господином»¹⁶.

ЦСГП и большинство союзов работодателей, идеологически связанных с ним, сознательно обостряли саму постановку вопроса о рабочем представительстве. Для них он превращался в принципиальный вопрос о самой системе производственных и социальных отношений в стране. Стилизуя этот вопрос под «Systemfrage», предприниматели переносили его, как и многие другие проблемы социально-экономической борьбы, в политическую плоскость. Эта особенность оборонительной социально-политической позиции некоторых кругов предпринимательского класса не ускользнула от внимания буржуазных реформистов. Представители германского либерального реформизма Ф.Науманн и Т.Барт в совместном труде «Обновление либерализма» (1906) заметили, что, с точки зрения предпринимателя, нет ничего пагубнее, чем перенести свой разлад с рабочими в область политики. «Работодатель, - писали они, - свободный от предрассудка, будто бы его политическое значение определяется интересами предпринимателя, гораздо легче достигнет удовлетворительных соглашений с рабочими по экономическим вопросам, нежели ярый противник социал-демократии»¹⁷.

Предприниматели традиционных отраслей долгое время придерживались недифференцированного подхода к рабочему движению. «Клеймо», поставленное на профсоюзах «исключительным законом против социалистов» (1878-1890), расценившим их как революционные подрывные организации, предопределило устойчивое отождествление профсоюзов с социал-демократическими объединениями. При этом свои антипрофсоюзные настроения промышленники оправдывали в форме, понятной и способной получить широкое общественное признание, пожалуй, только в Германии той поры. Отказ от любых форм, как они выражались, «Paktieren» (что означало и «заключать договор», и «быть заодно») с представителями рабочего класса об условиях труда на своих предприятиях пропагандировался как «патриотический долг». Борьба с организованным рабочим движением выглядела в их собственных глазах как пат-

риотическая борьба против «ниспровергателей» и, следовательно, как борьба по защите основ государства и общественного строя Германской империи. Рабочему движению в целом было отказано со времен Бисмарка в «национальной идентичности».

Подобная политизация экономической борьбы служила серьезным препятствием для реализации идей так называемого «социального партнерства». В условиях, когда любая забастовка рассматривалась в первую очередь как «вопрос о власти» (Г.Бюк), реформистская программа была обречена на провал. В рамках ЦСГП антипрофсоюзная политика не замирала вплоть до первой мировой войны. Она принимала различные формы, но особенно часто выливалась в борьбу, направленную на защиту так называемых «Arbeitswilligen» («желающих трудиться»). В этих рамках предприниматели требовали ужесточения мер против «профсоюзного терроризма». Например, послание ЦСГП от 1 июля 1911 г., направленное рейхсканцлеру, выражало тревогу по поводу того, что «состояние законодательства не препятствует расширению забастовочного движения и прежде всего отсутствуют законодательные меры по запрещению... важнейшего средства борьбы при забастовке, а именно – забастовочных пикетов»¹⁸. Как отмечал профессор Г.Геркнер, «убеждение, что забастовка вообще может состояться только с помощью терроризма пикетов против штрейкбрехеров»¹⁹, было широко распространено среди работодателей. Особенно жесткую позицию занимал лидер ЦСГП Г.Бюк. Выступая на заседании Союза в 1911 г., он заявил: «Организация рабочих становится страшным оружием. Работодатели стоят сейчас перед альтернативой. Или крепче объединиться и всеми силами разложить, разбить и уничтожить профсоюзы. Это должно быть нашей целью. Или при господстве профсоюзов мы будем плясать под их дудку, и социал-демократия достигнет первого этапа на пути к своей цели»²⁰.

Такое негативное отношение к малейшим уступкам организованному рабочему движению, характерное для значительной части германской буржуазии, вызывало осуждение со стороны здравомыслящих политиков страны. Так, Науманн сетовал на то, что «новые господа поразительно неразвиты по части политической тактики. Они... без всякой нужды раздражают рабочих, средние слои, представителей интеллигенции. Никак не хотят признать того, что господствовать можно только, умея делать уступки, и совсем лишены врожденного чувства политического такта»²¹.

Значительно позже видный германский историк либерального толка Ф.Майнеке подтвердит этот диагноз. По его мнению, магнаты тяжелой индустрии отличались «несоциальным, господским духом». В широких кругах германского предпринимательства в начале XX в. современная технология сочеталась подчас с докапиталистиче-

скими социальными взглядами и повсеместной верой в сильную государственную власть.

Как не стремились здравомыслящие политики локализовать конфликт между трудом и капиталом в экономической сфере, превратить его в сугубо индустриальный конфликт, который можно разрешить в процессе переговоров между двумя сторонами при определенном посредничестве государства, достичь этого до войны не удалось. Прежде всего в силу устойчивых традиций, сложившихся в обществе, предпочитать меры политического характера для разрешения конфликтов такого рода. Обе стороны возлагали надежды на государство: рабочий класс в лице СДПГ и «свободных профсоюзов» – на «государство будущего»; промышленники в лице ЦСГП – на «государство исключительного закона».

Хотя, как свидетельствовали современники, накануне войны позиция предпринимателей, которые принципиально ничего не хотели слышать о коалиционных правах рабочих, тарифном договоре, воспринималась как анахронизм, все же базу для цивилизованного урегулирования трудовых конфликтов в Германии создать не удалось под сильным влиянием на политическую элиту предпринимательских и работодателей союзов, которые в основной массе своей руководствовались страхом перед подрывными стремлениями рабочих и предостерегали власти против проведения политики «настроений и чувств».

Этатистски настроенная германская буржуазия, одобряя в 1880-е гг. идеи обязательного социального страхования, которые соответствовали ее собственной патриархальной идеологии, дальнейшие реформистские программы встречала настроенно.

Социал-реформистски настроенные предприниматели, в основном из новых отраслей промышленности, имели ограниченное влияние на всю систему социально-политических отношений в стране. Зарождавшаяся в этих кругах новая предпринимательская идеология, опирающаяся на концепции «социального партнерства», «классового сотрудничества», «социальной ответственности бизнеса», с трудом проникала в предпринимательскую среду Германии.

Примечания

¹ *Schmoller G.* Zwanzig Jahre Deutscher Politik (1897-1917). Munchen, 1920. S.47.

² *Зомбарт В.* А все-таки! СПб., 1902. С.247.

³ *Оггер Г.* Магнаты...Начало биографии. М., 1985. С.99.

⁴ *Herkner H.* Die Arbeiterfrage. Berlin; Leipzig. 1922. Bd.1. S.425.

⁵ *Оггер Г.* Указ. Соч. С.261.

⁶ *Хальгартен Г.* Империализм до 1914 г. М., 1961. С.38.

⁷ Сальковский О.В. Социальная политика буржуазии и пролетариат. М., 1969. С.79.

⁸ Berlepsch H. Sozialpolitische Erfahrungen und Erinnerungen. Munchen, 1925. S.38.

⁹ Archiv für Sozialgeschichte. Bd.12. 1972. S.357.

¹⁰ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages. 1894. Bd.11. S.825.

¹¹ Jaeger H. Unternehmer in der deutschen Politik. 1890-1918. Bonn, 1967. S.275.

¹² Herkner H. Op.cit. S.432.

¹³ Historische Wurzeln der Sozialpartnerschaft. Wiener Beiträge zur Geschichte der Neuzeit. Munchen, 1986. Bd 12/13. S.25.

¹⁴ Брентано Л. Об отношении заработной платы и рабочего времени к производительности труда. СПб., 1895. С.1.

¹⁵ Gunter A., Prevot R. Wohlfahrtseinrichtungen der Arbeitgeber in Deutschland und Frankreich. Leipzig, 1905. S.181.

¹⁶ Чугуенко В.М. Производство, демократия, идеологическая борьба. М.,1976. С.72.

¹⁷ Барт Т., Науман Ф. Обновление либерализма. СПб., 1907. С.907.

¹⁸ Herkner H. Op.cit. S.230.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Бобылева С.И. Рабочий класс и «социальная политика» юнкерско-буржуазного блока Германии в 1900-1914 годах: Дис. ... канд. ист. наук. Днепродзержинск, 1979. С.229.

²¹ Науман Ф. Демократия и императорская власть. М., 1907. С.187.

ON SOCIAL STRATEGY OF HEAVY INDUSTRY MAGNATES IN GERMANY AT THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

T.Z. Schmidt

Perm State University, 614990, Perm, Bukireva st., 15

The subject in question is the pressure of heavy industry magnates, the bearers of patriarchal entrepreneur ideology, on official social policy of Germany.